This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,237,528

LA
831.7
.B93
1905

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

А. Будиловичъ.

КЪ ВОПРОСУ
О
„запискѣ 342 ученыхъ“.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
ИЗЪ
„Русскаго Вѣстника“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Б. Комарова, Невскій, [illegible]
1905

Грушевський
Ленинград U.
0-1# 72
921-689-293
LA
8317
1915

КЪ ВОПРОСУ

О

„Запискѣ 342 ученыхъ“

I.

Въ № 46 газеты „Русь“ (отъ 23 февраля) появилась статья профессора Юрьевскаго университета г. Сентъ-Илера подъ заглавіемъ: „По поводу статьи г. Будиловича о Запискѣ 342 ученыхъ“. Такъ какъ статья эта выгодно выдѣляется изъ среды другихъ, извѣстныхъ мнѣ возраженій на мою критическую замѣтку („Нов. Вр.“ 17 февраля) серьезностью тона и подробностію изложенія, то я считаю себя обязаннымъ откликнуться на нее.

При этомъ я не стану, конечно, вводить въ свою бесѣду субъективныхъ элементовъ, въ родѣ выражаемаго г. С.-И. „удивленія“, что я думаю иначе, чѣмъ онъ; не стану, подобно ему, ставить вопросовъ о его компетентности или некомпетентности въ данномъ случаѣ, о самостоятельности или несамостоятельности его мнѣній, ибо думаю, что подобныя субъективности къ разъясненію дѣла не приближаютъ.

Не могу, однако, не сдѣлать оговорки противъ упрека, будто, считая профессоровъ на сотни, я употребляю пріемъ, болѣе „подходящій къ казакамъ, чѣмъ къ ученымъ“,—особенно такимъ, какъ „16 академиковъ, профессоры Павловъ, Тимирязевъ, Вернадскій, Боргманъ, Шимкевичъ и мн. др.“, которыхъ „надо-де считать единицами, а не сотнями“. Г. С.-И. забываетъ, кажется, что пріемъ счисленія авторовъ „Записки“ на три сотни, четыре десятка и двѣ единицы я заимствовалъ отъ редакціи „Нашихъ Дней“, которая подала мнѣ примѣръ и въ раздѣленіи ихъ на три группы (академики, профессора, ассистенты) по признакамъ служебнымъ, а не по научному вѣсу каждаго въ отдѣльности. Притомъ, подобно г. С.-И., и я выразилъ убѣжденіе, что между „342“ есть много истинныхъ

и ученыхъ дѣятелей нашей Академіи Наукъ и высшихъ школъ. Вводить же въ ихъ перечень какую-нибудь градацію и различать лицъ, считаемыхъ единицами, отъ другихъ, считаемыхъ дюжинами или сотнями, я не считалъ себя призваннымъ, между прочимъ и по разнообразію спеціальностей этихъ ученыхъ. Вѣдь и г. С.-И. сумѣлъ выдѣлить изъ общей группы лишь немного единицъ, собственно натуралистовъ, чѣмъ онъ могъ, пожалуй, обидѣть не менѣе видныхъ представителей другихъ спеціальностей, слитыхъ въ неопредѣленномъ наименованіи „многихъ другихъ".

Второй пунктъ, гдѣ я считаю совершенно необоснованнымъ обращенный ко мнѣ упрекъ г. С.-И., заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Съ самаго же начала г. Будиловичъ становится на неправильную точку зрѣнія: „Записка" говоритъ не о необходимости коренного преобразованія современнаго государственнаго строя Россіи и мотивируетъ это недостаткомъ просвѣщенія, но говоритъ о нуждахъ просвѣщенія и приходитъ къ заключенію, что преобразованіе просвѣщенія едва ли мыслимо, если для выясненія нуждъ народа не будутъ призваны народные представители и не будетъ существовать контроля надъ дѣйствіями администраціи".

Очень вѣроятно, что таково было мнѣніе г. С.-И. и многихъ другихъ лицъ при подписаніи „Записки", послѣ бѣглаго ея прочтенія. Но все же мнѣніе это не согласно ни съ буквальнымъ текстомъ „Записки", ни съ общимъ ея построеніемъ, которое вѣдь сводится къ слѣдующей схемѣ:

Принимая во вниманіе, что народное просвѣщеніе въ Россіи находится въ самомъ жалкомъ положеніи, въ системѣ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ; что участь лицъ, которымъ приходится трудиться на этомъ поприщѣ, тяжела, стѣснительна, унизительна; что особенно страдаетъ при этомъ наша высшая школа, по отсутствію свободы и пониженію уровня профессорской коллегіи: что нашъ современный школьный режимъ составляетъ общественное и государственное зло: мы, нижеподписавшіеся, вынуждены заявить убѣжденіе, что академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи и что для достиженія ея недостаточны частичныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе въ томъ смыслѣ, какъ это выражено въ резолюціяхъ земскихъ дѣятелей и разныхъ общественныхъ собраній и группъ, то-есть въ видѣ установленія незыблемаго начала законности и политической свободы, путемъ привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи...

На этомъ основаніи я считалъ себя въ правѣ назвать эту „Записку" резолюціей г.г. ученыхъ о необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи.

И теперь, послѣ смягчающихъ разъясненій г. С.-И., я затруднился бы найти въ построеніи и содержаніи „Записки" что-нибудь существенно отличное отъ множества другихъ по-

литическихъ резолюцій этого рода, на которыя ссылается впрочемъ и сама „Записка“. Ставить же въ основу заключенія о ней только заголовокъ: „О нуждахъ просвѣщенія“ было бы слишкомъ ужъ наивно въ замѣткѣ, задавшейся цѣлью дать этому документу критическую оцѣнку. Да и самъ г. С.-И. въ другомъ мѣстѣ сознается, что цѣль „Записки“ заключалась не въ томъ, чтобы „чего-нибудь доказывать“, а въ томъ, чтобы „соединить лицъ, имѣющихъ сходныя убѣжденія“.

Третій пунктъ, на которомъ я не могу не остановиться, заключается въ бѣгломъ, но весьма характерномъ замѣчаніи г. С.-И. на слѣдующія мои слова: „342 предпочли возсѣсть на своего рода лиѳостротонъ (г. С.-И. не вспомнилъ, кажется, здѣсь евангельскаго разсказа о Пилатѣ, возсѣвшемъ на лиѳостротонъ и замѣнилъ послѣднее слово безсмысленнымъ „миѳостратонъ“) и изречь оттуда urbi et orbi очень ужъ строгій приговоръ надъ своею собственной матерью“. „Я скорѣе сказалъ бы мачехой“, оговаривается г. С.-И.

Сознаетъ ли г. С.-И., что̀ сказалъ онъ въ этой вставкѣ не только о себѣ, но и своихъ единомышленникахъ? Если принять во вниманіе, что система русскаго просвѣщенія есть почти тоже, что система русской образованности, слѣдовательно Россія въ смыслѣ духовномъ, то называя ее не матерью, а мачехою, онъ признаетъ себя и своихъ какъ бы пасынками Россіи. Быть можетъ это и вѣрно по отношенію къ г. С.-И., племенная и культурная генеалогія котораго мнѣ впрочемъ вовсе не извѣстна. Но другіе, большинство „342“? Ужели и они причисляютъ себя къ пасынкамъ Россіи, или хотя бы только русской школы? Ужели, напр., собравшись на Татьяну, 12 января 1905 г., въ 150-ую годовщину Московскаго университета, къ которой собственно и пріурочено было подписаніе „Записки“, по словамъ „Нашихъ Дней“, — согласились бы и они послать въ Москву адресъ къ юбилярнѣ, начинающійся словами: „Alma noverca“?..

Конечно, человѣкъ, потерявшій родную мать и оставшійся при одной мачехѣ, заслуживаетъ сострадания. Но бываютъ случаи, что неблагодарныя дѣти самовольно переименовываютъ свою мать въ мачеху. Быть можетъ, это примѣнимо и къ настоящему случаю. На это какъ будто указываетъ и фактъ, что всѣ „342“ состоятъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, слѣдовательно не обижены „матерью“, а наоборотъ, посажены ею на первыя мѣста, притомъ независимо отъ ихъ русскаго, польскаго, нѣмецкаго, еврейскаго происхожденія!.. А если все-таки ихъ мать не въ Россіи, а напримѣръ, въ Западной Европѣ, то что мѣшаетъ такимъ пасынкамъ перебраться на „тотъ берегъ“, какъ это сдѣлали нѣкогда князья Гагаринъ и Голицынъ, Мартыновъ, Герценъ и многіе другіе добровольные пасынки русской образованности?..

Во всякомъ случаѣ, признаніе г. С.-И. воскрешаетъ въ моей памяти упрекъ, брошенный нѣкогда по адресу нашихъ соотечественниковъ наблюдательнымъ французомъ:

„Vous autres Russes, vous me paraissez un peuple singulier!

Les enfants d'une race noble, vous vous amusez à jouer le rôle des enfants trouvés..."

II.

Переходя къ дальнѣйшей аргументаціи г. С.-И., въ которой онъ съ одной стороны считаетъ излишнимъ, какъ для общества, такъ и для правительства, доказывать очевидныя-де „невзгоды нашего просвѣщенія", а съ другой старается это сдѣлать, на основаніи личныхъ воспоминаніи и наблюденій, я долженъ замѣтить, что не считаю себя обязаннымъ опровергать наличность подобныхъ „невзгодъ", ибо въ своей замѣткѣ я упрекалъ „342" не въ неправдѣ, а лишь въ преувеличеніяхъ. Но все же, для разъясненія дѣла, я считаю не лишнимъ представить нѣсколько фактическихъ поправокъ и къ этому отдѣлу статьи г. С.-И., отражающей, вѣроятно, воззрѣнія и его единомышленниковъ. Если мнѣ удастся—какъ я надѣюсь—доказать, что представленная г. С.-И. детальная аргументація тезисовъ „Записки" страдаетъ тѣми же недоразумѣніями, преувеличеніями, пристрастіями и методологическими промахами, какіе мною отмѣчены и въ „Запискѣ", то, быть можетъ, онъ и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ перестанутъ „удивляться" моему несогласію съ этими тезисами.

Къ числу очевидныхъ недоразумѣній, объясняемыхъ малою освѣдомленностью г. С.-И. въ оборотѣ государственныхъ дѣлъ вообще, а учебныхъ въ частности, относятся всѣ тѣ мѣста его статьи, гдѣ выражается его вѣра въ мистическое значеніе канцелярскаго сукна. Нужно ли ему, напр., объяснить причину замедленій въ выработкѣ новаго университетскаго устава, или въ усиленіи бюджета Юрьевскаго университета, или въ проведеніи обязательности всеобщаго обученія,—во всѣхъ такихъ случаяхъ секретъ отстрочекъ совершенно удовлетворительно объясняется для него стереотипной фразой: „положили подъ сукно". Стоитъ, слѣдовательно, завести въ департаментахъ столы безъ сукна, какъ это бываетъ въ участкахъ или пивныхъ, и мы сразу получимъ новый уставъ, новый бюджетъ и обязательное обученіе!..

Какое дѣло г. С.-И. до того, что у насъ, какъ и въ странахъ конституціонныхъ, законодательные акты должны пройти свой оборотъ сначала въ административныхъ, а потомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего, напр., наши университетскіе уставы 1835 г., 1863 г. и 1884 г. вырабатывались каждый разъ не менѣе 5—7 лѣтъ, а недавняя реформа французскихъ университетовъ, начатая въ 1883 г., была закончена лишь къ 1897 г., т. е. въ теченіе 14 лѣтъ!

Какое ему дѣло и до того, что одновременно съ новыми уставами у насъ вырабатываются и новые штаты высшихъ учебныхъ заведеній, причемъ расходы казны возростутъ вдвое, т. е. на 5—6 мил. р. въ годъ.

Ему представляется жалкою „зависимость“ министра народнаго просвѣщенія отъ министра финансовъ даже въ вопросахъ бюджетныхъ, а между тѣмъ она вполнѣ естественна и существуетъ даже во всѣхъ странахъ конституціонныхъ.

Совершенно игнорируетъ г. С.-И. и столько разъ уже разъясненныя какъ мною, такъ и другими причины „нищенскаго состоянія Юрьевскаго университета“, которыя заключаются главнымъ образомъ въ отказѣ университетскаго совѣта въ 1863 г. отъ предложенія министра народнаго просвѣщенія (отъ 5 іюля) воспользоваться штатами преобразованныхъ тогда русскихъ университетовъ, т. е. въ отказѣ отъ прибавки къ юрьевскому бюджету свыше 100,000 р. единственно по тѣмъ соображеніямъ, которыя выражаются въ латинскомъ изреченіи: timeo Danaos et dona ferentes. Нѣтъ ему дѣла и до того общеизвѣстнаго факта, что противникомъ усиленія юрьевскаго университетскаго бюджета „въ періодъ руссификаціи“ былъ вовсе не министръ народнаго просвѣщенія, а министръ финансовъ, который задержалъ своимъ вліяніемъ развитіе бюджета и прочихъ университетовъ, сосредоточивъ свои усилія на роскошной постановкѣ политехникумовъ.

Что касается огромнаго вопроса объ обязательности начальнаго обученія, то, сводя его трудности къ канцелярскому сукну, г. С.-И., очевидно, и понятія не имѣетъ о размѣрахъ этой трудности со стороны принципіальной и практической. Онъ не подумалъ, напр., что право государства загонять дѣтей въ школу штрафами, хотя и практикуется на Западѣ, все же противорѣчитъ общимъ представленіямъ о свободѣ лица, семьи, общества; не подумалъ и о томъ, что обязательность обученія непремѣнно предполагаетъ его общедоступность, до которой у насъ очень еще далеко при нынѣшнемъ числѣ школъ, особенно на сѣверѣ и востокѣ, гдѣ населеніе разбросано въ тундрахъ, тайгахъ и степяхъ. Высчитано, что только на сооруженіе недостающаго количества школьныхъ зданій понадобилось бы единовременно свыше милліарда рублей. А откуда взять недостающія сотни тысячъ учителей, и какъ удержать ихъ на службѣ, когда ихъ сманиваетъ и акцизъ, и винная монополія, и другія, болѣе прибыльныя или менѣе головоломныя профессіи!

Да и основное представленіе г. С.-И. объ обязанности не семьи, не общества, не церкви, а именно государства обезпечить образовательныя потребности народа и „довести число школъ до необходимаго“, притомъ не на „частныя пожертвованія“, которыя онъ почему-то считаетъ „милостыней“, — не подтверждается ни исторіей, ни современностью. Извѣстно, что въ теченіе многихъ вѣковъ, какъ у насъ, такъ и на Западѣ, не государство, а церковь стояла во главѣ школьной организаціи. Это и донынѣ наблюдается въ мірѣ еврейскомъ, магометанскомъ, буддистскомъ. Да и наша современная начальная школа дробится на школу государственную, церковную, земско-общественную, частную. Только соціалистическая Франція, въ борьбѣ съ церковью, провозгласила прин-

ципъ государственной монополіи въ школьной области, но далеко еще не успѣла провести его на дѣлѣ. Въ Англіи же, какъ извѣстно, до недавняго времени не было и особаго министерства народнаго просвѣщенія, а когда оно возникло и стало вмѣшиваться въ школьныя дѣла, то вызвало сильный протестъ со стороны общества, особенно въ группахъ конфессіональныхъ.

Насколько же хромаетъ школьная статистика г. С.-И., видно хотя бы изъ его увѣренія, будто у насъ „на народное образованіе тратится меньше, чѣмъ на скаковыхъ лошадей". Если бы онъ взялъ въ руки хотя бы „Всеподданнѣйшій отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1902 г." (стр. 485), то убѣдился бы, что на содержаніе начальныхъ училищъ въ этомъ году отпущено было 33.484.356 р. Если къ этому прибавить еще расходы по церковнымъ школамъ, которые уже въ 1900 г. по „Отчету оберъ-прокурора" достигали 14.552,775 р., то получается сумма почти въ 48 милл., въ томъ числѣ до 11 мил. изъ средствъ казны.

Едва ли правительство и общество расходуютъ у насъ столько на „скаковыхъ лошадей"!

Слабое знакомство г. С.-И. съ тѣмъ, что̀ собственно называется образованіемъ, отражается и въ его утвержденіи, будто Японія „къ нашему стыду" „превзошла насъ въ смыслѣ образованія". Имѣется уже достаточно данныхъ для сужденія объ этомъ образованіи, причемъ оказывается, что, во-1 оно достигнуто не въ столь ужъ „короткое время", ибо Японія, совмѣстно съ Китаемъ, принадлежитъ къ числу очень древнихъ культурныхъ странъ, особенно по части формъ и техники, и что, во-2 чисто внѣшнее образованіе японцевъ нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что разумѣется подъ общимъ образованіемъ въ школѣ христіанской. Легче вѣдь развить въ душѣ школьника мораль хищничества, чѣмъ любовь къ ближнему и высшіе идеалы человѣчества! Къ японцамъ и ихъ образованію мы можемъ примѣнить французское изреченіе: il est grand dans son genre, mais son genre est petit. Въ одномъ, къ сожалѣнію, японцы дѣйствительно оставили насъ позади: въ патріотической солидарности, въ готовности подчинять личные интересы и вкусы интересамъ расы, въ отсрочкѣ до позднѣйшаго времени партійныхъ счетовъ, которые у насъ разыгрались въ настоящую вакханалію, къ величайшему ущербу и арміи, и отечества.

III.

По самымъ нагляднымъ доказательствомъ недостаточной освѣдомленности г. С.-И. въ вопросахъ народнаго образованія служитъ его взглядъ на потребности нашихъ университетовъ. Сдѣлавъ оговорку, что совсѣмъ не понимаетъ того, что я подразумѣваю подъ „полной университетской автономіей", онъ

развиваетъ затѣмъ свой собственный взглядъ на эту автономію: подъ ней онъ „понимаетъ такое положеніе, когда профессора и всѣ чины университета избираются самимъ совѣтомъ, когда совѣтъ распоряжается своими средствами, когда студенты являются отвѣтственными только передъ университетомъ, — словомъ, когда на каждую мелочь не приходится спрашивать разрѣшенія попечителя или министра“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. С.-И. выражаетъ недоумѣніе, почему бы такой автономный университетъ не могъ получать отъ казны деньги и выдавать дипломы? Послѣднее онъ считаетъ впрочемъ не особенно нужнымъ и даже называетъ „теперешніе дипломы фальсификаціей“.

Въ этихъ утвержденіяхъ скрывается, очевидно, цѣлый рядъ недоразумѣній. Мой взглядъ на „полную университетскую автономію“ не показался бы ему „непонятнымъ“, если бы онъ обратилъ вниманіе на то, что сказано мною двумя строчками ниже: „если разумѣть подъ нею не простую, уже осуществляемую у насъ децентрализацію власти, а особую систему самоуправленія, въ родѣ земскаго, или городского“. Изъ этихъ словъ г. С.-И. можетъ видѣть, что и я не сторонникъ нынѣшняго университетскаго строя, а сочувствую усиленію круга вѣдомства университетовъ въ тѣхъ границахъ, какія допускаются самой широкой децентрализаціей власти. Въ этомъ онъ можетъ убѣдиться, при желаніи, изъ „Трудовъ“ Высоч. учрежд. комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній 1902 г. (т. I стр. 236), гдѣ я между прочимъ высказался и за освобожденіе университетовъ отъ власти попечителя, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно министру. Къ сожалѣнію, названная комиссія заняла по этому вопросу положеніе очень шаткое: въ одномъ засѣданіи она значительнымъ большинствомъ высказалась за эманципацію университетовъ отъ попечителя (5 ноября 1902 г.), а въ другомъ не меньшимъ большинствомъ — за сохраненіе его власти (17 декабря)!..

Но, съ другой стороны, я не вижу ни въ теоріи, ни въ исторіи основаній для превращенія нашихъ университетовъ, какъ учрежденій государственныхъ, въ нѣкія самоуправляющіяся общества, зависимость которыхъ отъ государства ограничивалась бы полученіемъ содержанія да „представленіемъ отчетовъ“ и гдѣ все управленіе принадлежало бы совѣту.

Въ теоріи такая комбинація мало понятна потому, что мы привыкли различать государство и общество, учрежденія казенныя и частныя, причемъ послѣднія, напр. управленія земскія, городскія и т. п., содержатся не на государственныя средства и не могутъ функціонировать, какъ органъ государства, при раздачѣ правъ на службу. Если же частныя учрежденія, напр. школы, пожелаютъ пріобщиться къ этой государственной функціи, то онѣ неизбѣжно должны поступиться частью своей автономіи и подчиниться до нѣкоторой степени государству: при утвержденіи личнаго состава, плановъ и программъ преподаванія, при производствѣ испытаній и т. п. Получаются, такимъ образомъ, заведенія смѣшаннаго

характера: полу-автономныя и полу-государственныя. Понятно, что и университеты могли бы сложиться по этому типу, если бы они содержались на частныя средства, вродѣ напр. московскаго Лицея Цесаревича Николая. Но доколѣ ихъ содержаніе будетъ падать на казну, а ихъ дипломамъ присвоены права по государственной службѣ, дотолѣ они должны считаться учежденіями не общественными а государственными, хотя и снабженными самыми обширными полномочіями.

Но, сверхъ теоріи, и исторія нашихъ университетовъ не говоритъ въ пользу стремленій къ ихъ „полной автономіи". У насъ въ сущности такой автономіи никогда еще не было, ибо даже по уставу 1863 г., который считается прототипомъ нашей университетской автономіи, правительство имѣло право утверждать или не утверждать избранныхъ факультетами, совѣтомъ, правленіемъ должностныхъ лицъ университета; въ особыхъ случаяхъ могло и само ихъ назначать (напр. профессоровъ по § 72). Попечителю или министру предоставлялось утвержденіе или неутвержденіе составленныхъ университетскими коллегіями правилъ. Уставъ гражданской службы распространялся въ такой же мѣрѣ на профессоровъ, какъ и на прочихъ должностныхъ лицъ по опредѣленію отъ правительства. Такимъ образомъ, о полной автономіи тогдашняго университета и рѣчи быть не можетъ.

Съ другой стороны, не находитъ для себя процедентовъ въ исторіи нашихъ университетовъ и рекомендуемая г. С.-И. роль совѣта въ средѣ другихъ университетскихъ коллегій. Такъ, по уставу 1863 г. правленіе въ дѣлахъ хозяйственныхъ было поставлено настолько же самостоятельно, какъ совѣтъ въ дѣлахъ учебныхъ. Сохраняли долю своей самостоятельности и факультеты—въ вопросахъ научныхъ, а отчасти и личныхъ, напр. избирали декановъ, а равно и профессоровъ (въ первой инстанціи). И университетскій судъ по уставу 1863 г. былъ довольно независимъ отъ совѣта въ своихъ рѣшеніяхъ, что впрочемъ требуется и принципомъ раздѣленія властей.

Въ проектѣ новаго университетскаго устава, выработанномъ особой комиссіей въ 1902 г. и столь симпатичномъ г. С. И., замѣчается, правда, стремленіе гипертрофировать совѣтъ за счетъ факультетовъ и правленія, но все же и тамъ отмежеванъ еще послѣднимъ извѣстный кругъ отвѣтственныхъ распоряженій. Да и должностныя лица университета не являются еще по проекту 1902 г. столь обезличенными, какъ въ предположеніяхъ г. С.-И.

Во всякомъ случаѣ, столь полнаго захвата совѣтомъ и законодательной, и административной, и судебной власти, какой намѣчается нынѣ г. С.-И. и нѣкоторыми его единомышленниками, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть о нынѣшнемъ совѣтскомъ большинствѣ Московскаго университета, никогда еще въ Россіи на было.

А между тѣмъ крушеніе нашего автономнаго устава 1863 г., обусловленное въ значительной мѣрѣ своеволіемъ универси-

тетскаго совѣта, должно бы служить предостереженіемъ для будущаго. Если университетъ есть учрежденіе научное и учебное, а не политическое, то онъ долженъ опираться прежде всего на коллегіяхъ научныхъ. Таковыми же являются факультеты. Для дѣлъ хозяйственныхъ и текущей администраціи вовсе не нужна столь многолюдная коллегія, какъ сходъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, которыхъ уже теперь набирается кое-гдѣ до 90 человѣкъ. Для подобныхъ функцій достаточна меньшая коллегія, составленная, напримѣръ, изъ декановъ и по 2—по 3 делегата отъ каждаго факультета, какъ это видимъ въ «сенатѣ» или „маломъ совѣтѣ“ западныхъ университетовъ. Для „совѣта же большого“ осталась бы роль общаго представительства, обсужденіе университетскихъ правилъ и, быть можетъ, избирательныя функціи по отношенію къ ректору, проректору и членамъ дисциплинарнаго суда. При такомъ размежеваніи круга вѣдомства университетскихъ коллегій сократилась бы, вѣроятно, въ нихъ и игра въ политику—личную и государственную—главнымъ полемъ которой и является обыкновенно совѣтъ. При ослабленіи же такой игры въ средѣ профессоровъ не могла бы она столь широко развиваться среди приватъ-доцентовъ и ассистентовъ, а за ними и студентовъ, какъ это наблюдается нынѣ.

IV.

Мнѣ кажется, что научная жизнь нашихъ университетовъ скорѣе вошла бы въ свое ложе, если бы мы ближе держались тѣхъ нормъ, которыя выработались на западѣ, гдѣ университеты зародились и развиваются органичнѣе, чѣмъ у насъ. Такъ какъ и г. С.-И. выразилъ желаніе, чтобы я указалъ „законы или правила, связывающіе профессоровъ во Франціи“, то я готовъ пойти ему на встрѣчу и познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ тѣми формами, въ какихъ выражается нынѣ автономія университетовъ западныхъ, особенно нѣмецкихъ и французскихъ.

Въ средніе вѣка, когда въ составѣ государства находилось столько автономныхъ организацій, подъ наименованіемъ гильдій, цеховъ, корпорацій, существовали и автономные университеты, обыкновенно въ составѣ двухъ независимыхъ корпорацій: учащихъ и учащихся. Не получая отъ государства содержанія и не участвуя въ раздачѣ государственныхъ правъ, корпораціи эти имѣли самоуправленіе, находясь въ нѣкоторой зависимости скорѣе отъ церкви, чѣмъ отъ государства. Нѣчто подобное донынѣ уцѣлѣло въ Англіи, откуда пересажено и въ С. Америку. Въ другихъ же странахъ подобный типъ университета встрѣчается лишь въ такъ называемыхъ „университетахъ вольныхъ“ (les universités libres), какихъ наберется

дюжина во Франціи, Бельгіи, Италіи,—главнымъ образомъ подъ управленіемъ латинскихъ епископовъ и папы. Но не въ этихъ университетахъ сосредоточивается движеніе западной науки, а наоборотъ, въ университетахъ государственныхъ, возникшихъ со временъ реформаціи, по почину отчасти городовъ, но главнымъ образомъ свѣтскихъ государей. Такъ какъ главную роль пришлось играть при этомъ университетамъ нѣмецкимъ, которые послужили образцомъ и для русскихъ, то я и остановлюсь прежде всего на нѣмецкомъ пониманіи университетской автономіи.

Во главѣ нѣмецкаго университета стоитъ обыкновенно почетный опекунъ, называемый кураторомъ. Онъ назначается государемъ соотвѣтственной области и принимаетъ довольно дѣятельное участіе въ университетскомъ управленіи, особенно по дѣламъ хозяйственнымъ. Рядомъ съ кураторомъ въ составѣ университетскаго управленія стоитъ еще другое важное лицо, синдикъ или университетскій судья, который также назначается государемъ, присутствуетъ въ университетскомъ сенатѣ, на правахъ какъ бы прокурора, и судитъ студентовъ въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, въ первой инстанціи. По сравненію съ этіми двумя сановниками, къ которымъ можно еще, пожалуй, прибавить университетскаго секретаря, ректоръ университета, избираемый ежегодно по очереди факультетовъ, является должностнымъ лицомъ скорѣе декоративнаго характера.

Ординарные профессоры назначаются въ Германіи по указамъ главы государства, а экстраординарные непосредственно министромъ народнаго просвѣщенія. При этомъ государи обыкновенно выслушиваютъ мнѣніе университета, или вѣрнѣе факультета, но вовсе не обязаны имъ руководиться. Извѣстный берлинскій профессоръ Фридрихъ Паульсенъ, въ прекрасномъ сочиненіи о нѣмецкихъ университетахъ (Paulsen, Die deutschen Universitäten, Berlin 1902 г. стр. 101), вычислилъ, что прусское правительство въ періодъ времени отъ 1817—1900 г. назначило: на богословскихъ факультетахъ изъ 311 ординарныхъ профессоровъ не менѣе 102 помимо факультета или вопреки ему: на юридическомъ таковыхъ было изъ 432 не менѣе 86, а на медицинскомъ изъ 612 не менѣе 136.

Въ числѣ подобныхъ, на нашъ взглядъ ненормально назначенныхъ профессоровъ, были такія свѣтила нѣмецкой науки, какъ Holtzendorff, Joh. Müller, Purkinje, A v. Gräfe, Helmholz, Leopold Ranke... Что и въ другихъ германскихъ государствахъ возможны такіе случаи, доказываютъ недавнія назначенія въ Вюрцбургѣ проф. Хруста, а въ Страсбургѣ проф. Шпана, вопреки протестамъ факультетовъ.

Условность нѣмецкой университетской автономіи отражается и въ правительственномъ наблюденіи за экзаменами, особенно государственными, которые производятся внѣ университета, въ особыхъ комиссіяхъ. Въ Австро-Венгріи, гдѣ и государственные экзамены производятся при факультетахъ, на нихъ обязательно присутствуетъ правительственный комиссаръ.

Что же касается размежеванія въ нѣмецкихъ университетахъ круга вѣдомства между особыми коллегіями, то въ вопросахъ научныхъ и педагогическихъ центръ тяжести лежитъ тамъ въ собраніяхъ факультетскихъ, а по дѣламъ административнымъ и хозяйственнымъ—въ факультетскихъ делегаціяхъ, именуемыхъ сенатомъ. Кое-гдѣ существуютъ при сенатѣ особыя комиссіи для дисциплинарнаго суда надъ студентами. Общія же собранія профессоровъ (plenum), если и существуютъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ, то собираются лишь изрѣдка, для обсужденія новыхъ правилъ, или для выбора ректора.

Что касается нѣмецкаго взгляда на отношеніе профессоровъ къ политикѣ, то онъ ясно отражается въ слѣдующихъ выпискахъ изъ указаннаго сочиненія проф. Паульсена: „О нѣмецкихъ университетахъ“:

„Какъ отъ профессора богословскаго факультета требуется положительное отношеніе къ религіи и церкви, такъ отъ профессора по государственнымъ наукамъ—положительное отношеніе къ народу и государству. Кто относится враждебно къ этому народу... или къ исторически сложившейся формѣ его государственной жизни... тотъ, какъ честный человѣкъ, не можетъ принять изъ рукъ этого народа и этого государства порученія, въ которомъ предполагаются его сохраненіе и благополучіе... Теоретика-анархиста... ни одно государство не можетъ допустить къ такой дѣятельности, или терпѣть въ ней... Доколѣ соціальная демократія видитъ свою славу въ революціонной непримиримости, въ стремленіи ниспровергнуть существующій государственный и правовой порядокъ, дотолѣ ни одинъ профессоръ, какова бы ни была его спеціальность, не можетъ пристать къ этой партіи, не выходя одновременно въ отставку... Ни республика, ни монархія не можетъ назначить на такую должность лицо, которое ставитъ своей задачей разрушеніе ихъ основного строя, причемъ, конечно, не разумѣются улучшенія въ рамкахъ этого строя“ (стр. 313—317).

„Еще разъ повторяю, въ службѣ университетской само собою предполагается, что университеты, какъ отвѣтственные дѣятели, не втягиваются въ политику дня: иначе они утратили бы свою независимость и объективность. Какъ судебное вѣдомство устраняется отъ политики въ интересахъ справедливости... такъ должны быть устраняемы отъ подобныхъ вліяній изслѣдователи и преподаватели, въ интересахъ и совѣсти и правды, которыя должны стоять выше временныхъ расчетовъ политики“ (стр. 333).

Въ университетахъ французскихъ ректоръ, или вѣрнѣе президентъ университетскаго совѣта, назначается правительствомъ, обыкновенно изъ постороннихъ сановниковъ, напоминая куратора германскихъ университетовъ. При назначеніи же профессоровъ президентомъ республики, на его усмотрѣніе представляются министромъ, сверхъ кандидатовъ факультета, еще кандидаты „постоянной секціи высшаго совѣта народнаго просвѣщенія“, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также кандидаты

соотвѣтственной академіи французскаго института и самого министра.

Въ организаціи коллегій нынѣшняго французскаго университета центральное положеніе занимаютъ факультеты, а для дѣлъ между-факультетскихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и судебныхъ—немноголюдный conseil de l'université, состоящій изъ делегатовъ факультетовъ и директоровъ существующихъ при университетѣ высшихъ школъ. Общія же собранія университетовъ (assemblée) собираются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣятельность профессоровъ контролируется до извѣстной степени особымъ генеральнымъ инспекторомъ, отзывы котораго принимаются въ соображеніе и при повышеніи профессоровъ по должности.

О юридическомъ же положеніи французскаго университета можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ докладовъ (rapports) извѣстныхъ французскихъ ученыхъ акад. Ліара (Liard) и проф. Лависса (Lavisse), напечатаныхъ въ видѣ мотивовъ къ декретамъ отъ 21, 22 и 31 іюля 1897 г. о преобразованіи французскихъ университетовъ:

...„Научное изслѣдованіе должно быть свободно: оно признаетъ своимъ закономъ лишь требованія метода, которыя не могутъ быть опредѣляемы правительствомъ. Но, съ другой стороны, во Франціи образованіе—низшее, среднее и высшее—является если и не монополіей государства, то все же одной изъ его функцій. Преподаватели – государственные органы (agents), слѣдовательно до извѣстной степени подчинены правительству... Что касается ихъ гражданской жизни, то она не имѣетъ другихъ ограниченій, другой опеки, кромѣ той, которая опредѣляется законами страны и конституціоннымъ принципомъ министерской отвѣтственности.

...„По законамъ французскіе университеты не причисляются къ тѣмъ общеполезнымъ учрежденіямъ, которыя независимы отъ государства и только субвенціонируются имъ: наоборотъ, это органы государства, но органы, одушевленные собственною жизнью и находящіе въ своихъ гражданскихъ правахъ средства для лучшаго выполненія научныхъ функцій“ (Liard).

...„Университетъ есть государственное учрежденіе, управляемое министромъ подъ его отвѣтственностью. Ему должно быть предоставлено рѣшеніе по всѣмъ вопросамъ, которые соприкасаются съ министерской отвѣтственностью“ (Lavisse).

При такомъ юридическомъ положеніи французскаго университета понятно, что планы преподаванія въ немъ, программы, а также положенія объ испытаніяхъ на государственныя ученыя степени регулированы тамъ съ величайшимъ педантизмомъ. Даже дипломъ на государственную ученую степень выдается во Франціи не деканомъ или ректоромъ, а министромъ, который имѣетъ право и кассировать этого рода факультетское производство, по причинамъ формальнымъ или нравственнымъ. Только присужденіе „университетскихъ“ ученыхъ степеней, не связанныхъ съ государственными правами, обставлено меньшими формальностями.

Что касается университетовъ вольныхъ, то они не имѣютъ рава выдавать государственныхъ дипломовъ. Тѣмъ не менѣе эганы министерства народнаго просвѣщенія наблюдаютъ, гобы и въ нихъ преподаваніе „не противорѣчило нравственности, конституціи и законамъ“.

Университеты швейцарскіе имѣютъ кантонный характеръ слѣдовательно зависятъ отъ кантонныхъ правительствъ и рганов. Подъ высокопарными наименованіями: Staatsrat, rziehungsrat, Conseil d'Etat, Département de l'instruction publique и т. п. правительства эти соотвѣтствуютъ приблизительно тому, что у насъ называется губернскимъ, или чаще ıри незначительности территоріи многихъ кантоновъ и ихъ аселенія) уѣзднымъ правленіемъ. Съ этими-то правительгвами профессора университетовъ должны заключать своего ода контракты, обыкновенно на 5—10 лѣтъ, съ довольно строими требованіями и крайне малымъ жалованьемъ. Миніаорные кантонные „департаменты“ и „совѣты“ предоставляютъ ѣбѣ право утверждать росписаніе лекцій, планы преподаванія, го программы и т. п. Нерѣдко они и увольняютъ профессоовъ до срока, предупредивъ только объ этомъ за полгода.

О нынѣшнемъ положеніи итальянскихъ, голландскихъ и нглійскихъ университетовъ имѣются новыя данныя въ статьѣ рофессора Деревицкаго, напечатанной въ „Трудахъ университетской комиссіи 1902 г. (т. III, стр. 227 и слѣд.). По этимъ вѣдѣніямъ итальянскіе университеты автономіей не пользуются ни по старому уставу 1859 г., ни по новому 1902 г. ослѣдній, по словамъ профессора Деревицкаго, „стремится апротивъ къ полному подчиненію университетовъ центральному учебному управленію“. Особенно ярко отражается это въ пособѣ назначенія итальянскихъ профессоровъ на вакантныя аѳедры: ни факультетъ, ни совѣтъ не имѣетъ при этомъ гоюса; результатъ объявляемыхъ правительствомъ конкурсовъ ависитъ прежде всего отъ особой комиссіи экспертовъ, наначаемой министромъ изъ указанныхъ профессорами кандидатовъ; во второй инстанціи заключеніе экспертовъ разсматривается въ „высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія“, рѣіеніе же принадлежитъ королю, по докладу министра. Между ниверситетскими коллегіями имѣютъ значеніе только факульетскіе совѣты и особый „академическій совѣтъ“, соотвѣтгвующій нѣмецкому сенату и состоящій изъ ректора и декаовъ текущаго термина и предшествовавшаго ему, а также ъ директоровъ состоящихъ при университетѣ высшихъ школъ. Генеральная же ассамблея“ профессоровъ (нашъ совѣтъ) сорается лишь изрѣдка, для обсужденія преобразованій въ роѣ учебнаго дѣла и выбора ректора изъ трехъ кандидавъ, выставленныхъ очереднымъ факультетомъ. Но окончательное рѣшеніе о ректорѣ принадлежитъ усмотрѣнію короля . III, стр. 238).

И голландскіе университеты, по наблюденіямъ г. Деревицкаго, „автономіей не пользуются“. Профессора назначаются королевою, которая обыкновенно руководится рекомендаціей

подлежащаго факультета, но юридически не стѣснена въ своемъ выборѣ. Ректоръ ежегодно назначается въ извѣстной очереди по старшинству службы. Власть его въ управленіи университетомъ ограничена „совѣтомъ кураторовъ“, которые являются органомъ правительственнаго контроля. Академическій сенатъ не играетъ значительной роли (III, 228).

Только въ Англіи сохранилось нѣсколько автономныхъ университетовъ, содержимыхъ на частныя средства. Но и тамъ носителями автономіи являются не наличные лишь профессоры, но и многія другія лица, въ томъ числѣ бывшіе студенты соотвѣтственнаго университета и удостоенные имъ ученой степени. Въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1902 году такихъ лицъ насчитывалось 6,316, а въ Эдинбургскомъ—9,010 (т. III стр. 242 и 247). Въ этой огромной корпораціи или ученой республикѣ очень важную роль играютъ избираемые, отчасти пожизненно, сановники, именуемые канцлерами, вицеканцлерами, принципалами, ректорами, сенешалами и др. Студенческій же режимъ въ англійскихъ и шотландскихъ университетохъ поражаетъ своею строгостью. Что касается государственныхъ экзаменовъ, то для производства ихъ существуютъ въ Великобританіи особые, государственные университеты, гдѣ довольно строго проводится извѣстный и во Франціи принципъ, что профессоръ не можетъ экзаменовать своего слушателя. Но и дипломы государственныхъ университетовъ не обезпечиваютъ еще для молодежи доступа къ профессіямъ: при этомъ приходится соискателямъ еще разъ подвергаться испытаніямъ въ разнаго рода комиссіяхъ, педагогическихъ, юридическихъ, медицинскихъ и др.

О нынѣшнемъ же положеніи новоучрежденныхъ государственныхъ университетовъ Сѣверной Америки имѣется слѣдующій компетентный отзывъ профессора Перри (Perry, Monographs on Education in the United States ed. by M. M. Butler, I. 277):

...„Благодаря постояннымъ измѣненіямъ законодательной власти и эгоизму вождей партій, эти университеты стали ихъ игрушкой и, за немногими изъятіями, превратились въ нѣчто искалѣченное: дѣльные и мужественные профессоры, которые не желали мѣнять своихъ воззрѣній въ духѣ господствующей партіи, были вытѣснены изъ каѳедръ самыми позорными махинаціями“...

Приведя эту цитату, профессоръ Паульсенъ (стр. 317) прибавляетъ отъ себя:

...„Этого достаточно, чтобы университеты не особенно воодушевлялись въ пользу измѣненія нынѣшняго государственнаго строя, дѣйствующаго по формальнымъ началамъ права, въ тотъ соціальный режимъ, который будетъ руководиться произволомъ, опираясь на общихъ выборахъ... Правительство, задавленное подобными элементами, никогда не будетъ чувствовать симпатій къ истинной наукѣ. Партійная чернь можетъ лишь ненавидѣть и преслѣдовать выдающихся людей которые отказываются ей льстить или къ ней подлаживаться“.

V.

Переходя затѣмъ отъ педагогики къ политикѣ, я не могу
отмѣтить и въ этой области нѣкоторыхъ поспѣшныхъ и
пристрастныхъ выводовъ г. С.-И.

Такъ, способъ объясненія имъ студенческихъ и гимназическихъ волненій очевидно продиктованъ ему скорѣе партійною политикою, чѣмъ трезвой педагогіей. Въ волненіяхъ этихъ онъ видитъ не болѣе, какъ реакцію противъ тяжелаго „гнета репрессалій“, или „протестъ, вызванный подавленіемъ личности ученика“. Не думаю, чтобы г. С.-И. могъ нынѣ гдѣ-нибудь констатировать подобныя „репрессаліи“ и „подавленія“! Скорѣе онъ замѣтилъ бы въ нашихъ школахъ неумѣренныя послабленія и вызываемую ими распущенность молодежи. Да и почему не было теперь волненій какъ разъ въ военныхъ училищахъ, гдѣ еще поддерживается кое-какая дисциплина? Если бы волненія молодежи вызывались внутренними, а не внѣшними причинами, то они и выражались бы въ требованіяхъ по школьной части, а не въ резолюціяхъ объ учредительномъ собраніи, чертѣ еврейской осѣдлости и т. п. постороннихъ предметахъ. Гораздо вѣрнѣе взглянулъ на это явленіе русско-польскій адвокатъ и писатель С., который въ замѣчательныхъ монографіяхъ I. „O naszej młodzieży“, и II. „Nasze stronnictwa krajne“ (Краковъ, 1902—1903 г.), вышедшихъ подъ псевдонимомъ Scriptor, показалъ, что именно соціалистическая пропаганда охватила теперь и польскую, и русскую школу, порвавъ въ младшемъ поколѣніи все, что завѣщано ему исторіей.

Дѣятели старшаго поколѣнія, руководящіе такой ядовитой пропагандой, оказываются эгоистичнѣе животныхъ: послѣднія прикрываютъ своихъ дѣтенышей отъ опасности, даже цѣною жизни, тогда какъ эти дѣятели употребляютъ своихъ дѣтей вмѣсто тарана, въ борьбѣ съ правительствомъ и обществомъ!

Партійныя пристрастія до того ослѣпляютъ г. С.-И., что онъ не видитъ происходящаго кругомъ и, между прочимъ, требуетъ отъ меня „фактическихъ аргументовъ“ въ подтвержденіе того, что наше общество нерѣдко пользуется школою, какъ рычагомъ для политической агитаціи. Развѣ онъ не замѣчаетъ нынѣшняго педократическаго движенія въ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ резолюціями гимназистовъ и гимназистокъ о представительномъ правленіи, а въ Варшавѣ даже объ изгнаніи русскихъ преподавателей и замѣнѣ ихъ польскими! Вѣдь не въ головѣ же гимназистокъ зарождаются подобныя резолюціи. Для всѣхъ очевидно, что здѣсь находитъ себѣ примѣненіе нѣмецкая поговорка:

Wie die Alten sungen,
So zwitscherten die Jungen!

Недостаточная оріентированность г. С.-И. in politicis выражается и въ томъ, что, будучи ярымъ поклонникомъ новаго университетскаго устава, выработаннаго комиссіей 1902 г., онъ съ тѣмъ вмѣстѣ высказывается противъ инспекціи и ея органовъ—„безграмотныхъ сторожей"; а между тѣмъ его единомышленники, въ составѣ той же комиссіи, съ княземъ Е. Н. Трубецкимъ во главѣ, признали это полицейское учрежденіе неизбѣжнымъ и въ преобразованномъ русскомъ университетѣ („Труды комиссіи", т. II, стр. 35). Чуть ли не я одинъ настаивалъ на возможности обойтись въ университетѣ безъ этого учрежденія, путемъ возстановленія должности синдика или „университетскаго судьи", какъ это имѣетъ мѣсто въ большинствѣ германскихъ университетовъ. Тамъ же, въ Германіи, могъ бы г. С.-И. найти опроверженіе своей мысли о непригодности для университета „безграмотныхъ сторожей". Для наблюденія за внѣшнимъ благочиніемъ въ стѣнахъ университета такіе сторожа, или вѣрнѣе педеля, куда пригоднѣе нашихъ нынѣшнихъ субъинспекторовъ, цѣлыми дюжинами слоняющихся по корридорамъ, въ унижающемъ образованнаго человѣка бездѣйствіи!

Возмущающіе г. С.-И. случаи удаленія изъ университетовъ преподавателей за неудобное для государства направленіе встрѣчаются, къ сожалѣнію, и на западѣ. Такъ, еще недавно это произошло въ Берлинѣ, за соціалистическое направленіе, съ приватъ-доцентомъ Арономъ, по дѣлу котораго былъ даже изданъ 17 іюня 1898 г. особый законъ „о дисциплинарной отвѣтственности приватъ-доцентовъ". По этому закону, въ числѣ взысканій за нарушеніе приватъ-доцентомъ своихъ обязанностей, какъ академическаго преподавателя, при исполненіи служебныхъ обязанностей, или даже внѣ этого, если его поведеніе дѣлаетъ его недостойнымъ уваженія и довѣрія, связаннаго съ его положеніемъ, — можетъ быть и отнятіе venia legendi. И въ Австріи извѣстны случаи примѣненія подобнаго остракизма за неподходящее направленіе учителей или профессоровъ. Ему подвергся, между прочимъ, и нашъ академикъ Ягичъ, въ бытность учителемъ Загребской гимназіи, а также извѣстный археографъ Я. И. Головацкій, въ бытность профессоромъ львовскаго университета. Наконецъ, и въ нашихъ университетахъ, въ періодъ университетской автономіи, развѣ мало было случаевъ забаллотировки совѣтскимъ большинствомъ, при выборахъ на новое пятилѣтіе, неугодныхъ ему членовъ, хотя бы они были выдающимися спеціалистами!

Къ числу политически окрашенныхъ упрековъ г. С.-И. относится выраженное имъ мнѣніе, что „въ первое время руссификаціи юрьевскаго университета" (вѣроятно, въ мое ректорство?), назначали по преимуществу лицъ, „могущихъ способствовать намѣреніямъ правительства" „въ смыслѣ подбора неоппозиціонныхъ элементовъ". Конечно, странно было бы русскому правительству, какъ и любому другому, предпочитать лицъ, „могущихъ не способствовать его намѣреніямъ", лицамъ, „могущимъ способствовать" таковымъ! Но что при выборѣ на вакантныя каѳедры юрьевскій университетъ въ ту

пору не руководился „подборомъ неоппозиціонныхъ элементовъ“, это видно даже изъ „Записки 342“. Въ числѣ подписавшихъ ее лицъ я встрѣтилъ цѣлый рядъ именъ, знакомыхъ мнѣ по воспоминаніямъ того „перваго времени“, каковы: Н. И. Андрусовъ, В. Э. Грабарь, Д. Н. Кудрявскій, Н. И. Кузнецовъ, А. Н. Миклашевскій, В. М. Нечаевъ, І. А. Покровскій. Вѣроятно, этотъ перечень значительно возросъ бы, если бы я имѣлъ подъ рукою дополнительное заявленіе юрьевцевъ о присоединеніи къ „Запискѣ 342“.

О значеніи слова „оппозиція“ я не намѣренъ вступать въ пререканія съ г. С.-И. Возможна, конечно, и такая точка зрѣнія, при которой оппозиція, именно легальная, оказываетъ „помощь правительству“, какъ это замѣчается, напр., въ англійскихъ палатахъ, гдѣ она и титулуется the opposition of His Majesty. Къ сожалѣнію, у насъ это наблюдается рѣже. Въ частности, въ данномъ случаѣ приходилось слышать, что тѣ же лица, которыя подписали „Записку“, или потомъ присоединились къ ней, очутились, по убѣжденію или изъ послѣдовательности, во главѣ совѣтскихъ партій, выдвигавшихъ разныя затрудненія къ возобновленію лекцій. Такимъ образомъ, они, быть можетъ и несознательно, вызвали такія грустныя явленія, какъ pronunciamento приватъ-доцентовъ и ассистентовъ, за ними преподавателей многихъ среднихъ школъ, а наконецъ, какъ логическій выводъ отсюда, забастовку студентовъ, что, конечно, представляется весьма спорною „помощью правительству“ въ его нынѣшнихъ затрудненіяхъ...

VI.

На мой вопросъ, существуютъ-ли у насъ теперь ученые несмотря на нынѣшній государственный нашъ строй, г. С.-И не могъ, конечно, отвѣтить отрицательно. Наоборотъ, онъ признаетъ, что „русская наука стоитъ высоко“, хотя выше самъ усомнился, можетъ-ли быть Россія причисляема къ странамъ культурнымъ. Но онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ наличность у насъ извѣстныхъ ученыхъ подрываетъ основной тезисъ „Записки“ о несовмѣстимости науки съ нашимъ государственнымъ строемъ! Быть можетъ, онъ яснѣе пойметъ мою мысль, если я скажу, что каждый русскій ученый является воплощеннымъ опроверженіемъ указаннаго тезиса. А такъ какъ въ „Запискѣ“ поименно названы не менѣе 342 такихъ ученыхъ, то въ ней имѣется 342 опроверженія ея самой.

Г. С.-И. наивно спрашиваетъ, можно-ли заключать „отъ мыслей къ лицамъ“, и думаетъ, что такое заключеніе будетъ „методомъ не академическимъ“. Но онъ, очевидно, забылъ, что его спеціальность—зоологія, гдѣ такое заключеніе, конечно невозможно, за отсутствіемъ въ царствѣ животныхъ и мыслей. и лицъ—не есть еще синонимъ академической науки. Въ

наукахъ же историческихъ и историко-литературныхъ нѣтъ ничего обычнѣе, какъ заключеніе отъ мыслей къ мыслителю, отъ произведенія къ автору, отъ Иліады къ Гомеру. Да иначе, еслибы заключеніе отъ мыслей къ лицамъ и, наоборотъ, отъ лицъ къ мыслямъ, было методомъ не академическимъ, то какую цѣль и смыслъ могло бы имѣть скрѣпленіе „Записки" подписями 342 лицъ? Очевидно, они хотѣли показать, что сверхъ мыслей, не особенно обильныхъ, этой „Записки", которая, вѣроятно, и вышла изъ-подъ пера одного только лица,—скрывается за этой „декларацiей" еще много другихъ мыслей, невольно воскресающихъ въ памяти по ассоціативнымъ связямъ съ этими десятками и сотнями именъ, насколько, конечно, они знакомы читателю...

Что же касается непонятной для г. С. И. связи нашего застарѣлаго „чужебѣсія" съ нынѣшними западническими стремленіями нашихъ преобразователей, къ которымъ, вслѣдъ за земствами и думами, примкнули и „342 ученыхъ", то, признаюсь, я не имѣю надежды разъяснить этотъ пунктъ г. С. И. Для его пониманія необходимо хоть нѣкоторое знакомство съ исторіей русской образованности. Между тѣмъ, онъ даже отрицаетъ ее, сомнѣваясь въ возможности причислить Россію къ „странамъ культурнымъ". Какъ же намъ тутъ столковаться? Быть можетъ, всего проще будетъ посовѣтовать г. С.-И., какъ біологу, ближе познакомиться съ сочиненіемъ его товарища по спеціальности, Н. Я. Данилевскаго: „Европа и Россія", гдѣ онъ можетъ найти подробное разъясненіе о томъ, существуетъ ли русская культура? отличается-ли она отъ западно-европейской? можетъ ли послѣдняя, по законамъ біологіи, пересаживаться къ намъ путемъ механической прививки, или, наоборотъ, предполагаетъ медленный процессъ органическаго всасыванія и переработки внутренними силами русской народности?.. Лишь тогда, обдумавъ все это, быть можетъ и г. С.-И. дойдетъ до сознанія, что существуетъ органическая связь между различными этапами и формами россійскаго „чужебѣсія", которое начинается чуть не съ призванія варяговъ (если это не легенда) и на протяженіи вѣковъ, особенно со временъ Петра Великаго, Анны Іоанновны, Петра III, Александра I, тянется красною нитью по всѣмъ періодамъ нашей культурной исторіи! Къ фактамъ подобнаго чужебѣсія отнесетъ, вѣроятно, тогда и г. С.-И. нашу чаадаевщину, затѣмъ—западничество, и наконецъ, нынѣшній западный конституціонализмъ различныхъ оттѣнковъ.

Очень наглядно изображена такая именно генеалогія нашей современной смуты въ статьѣ г. Л.: „Культурное завоеваніе" (№ 7 „Церковнаго Вѣстника"), откуда я позволю себѣ заимствовать двѣ, три выписки:

„Въ нынѣшнихъ общественныхъ волненіяхъ на первый взглядъ можетъ казаться, будто благородныя силы извѣстной части нашей интеллигенціи ратуютъ противъ зла, хотятъ блага и свѣта. И сами они, эти ратующіе, считая въ своей исключительности свое міровоззрѣніе единственно возмож-

нымъ, послѣднимъ словомъ науки, конечнымъ выводомъ историческихъ законовъ и т. п. искренно видятъ себя носителями и представителями всякаго преуспѣянія, а насъ считаютъ или людьми, продавшими совѣсть житейскому положенію, или людьми недомыслія, людьми отсталыми. А мы, между тѣмъ, лучше ихъ можемъ оцѣнить, въ чемъ у нихъ дѣло, потому, что понимаемъ и ихъ, и себя. У насъ съ ними два раздѣльныхъ міросозерцанія. Ими отвергнута идея народности, какъ идея отсталая, которая, благодаря прогрессу, уже растворилась въ высшемъ, космополитическомъ идеалѣ всечеловѣчества. Для насъ она—идея единственно правильнаго и законосообразнаго всечеловѣческаго развитія, идея драгоцѣннѣйшая, залогъ духовной самобытности и оригинальности въ человѣчествѣ, залогъ духовнаго бытія, залогъ самой наличности духовной жизни...

...„Такъ и въ примѣненіи къ настоящимъ вопросамъ,—сознаемъ-ли мы, русскіе люди, въ чемъ дѣло? Дѣло теперь въ томъ, что государство наше, которое доселѣ было народнымъ, хотятъ сдѣлать отвлеченно-юридическимъ; правительство наше, доселѣ являвшее себя народно-русскимъ, хотятъ ограничить представительствомъ, не связаннымъ народностью; гости и жильцы земли русской хотятъ заявить себя равноправными ея хозяевами, и сыны Россіи, культурно покоренные чужими идеями, дружно работаютъ съ ними за одно...

...„Да, мы подверглись культурному завоеванію; чужое міровоззрѣніе захватило насъ, пока мы спали: оно пропитало нашу науку, овладѣло печатью, полонило наши общественыя и политическія воззрѣнія, подчинило себѣ даже нравственныя наши убѣжденія,—благо они лежали у насъ безъ дѣла,—и винить намъ кромѣ себя некого!..

„Но опасность близка. Конечно, придетъ пора, русскіе люди проснутся, проснутся несомнѣнно и неминуемо, но уже отъ толчка крушенія. Ждать ли намъ такого безнадежнаго отрезвленія?!....“

Лишь подъ условіемъ нѣкотораго выясненія себѣ г. С.-И-омъ понятія о томъ, въ чемъ заключаются культурныя различія Греціи отъ Рима, Византіи отъ Запада средневѣкового, а Россіи—отъ современнаго, хотя бы по сочиненію В. И. Ламанскаго: „Три міра“, могли бы мы столковаться съ нимъ и о томъ, почему русская жизнь можетъ и впредь развиваться въ своемъ старомъ историческомъ ложѣ, вмѣсто того, чтобы переливаться въ фарватеръ западный, проложенный на почвѣ завоеванія и феодализма. Почему онъ думаетъ, что спасеніе Россіи заключается въ западныхъ формахъ государственной жизни, а не въ какихъ-нибудь другихъ, напр. тѣхъ, которыя выросли изъ культуры эллинской на почвѣ восточнаго христіанства и черезъ Византію перешли въ Москву, какъ политическій укладъ греко-славянскаго культурнаго типа? Почему безъ рекомендуемыхъ земцами и „342“ реформъ западнаго типа русскій народъ „долженъ скоро исчезнуть съ лица земли“? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было предсказать въ

древности, что демократическія Аѳины исчезнутъ, не принявъ спартанской аристократіи, или въ средніе вѣка предсказать гибель всѣмъ народамъ, не усвоившимъ себѣ феодализма, а въ концѣ XVIII в. всѣмъ, кто остался въ сторонѣ отъ французской революціи! Все это одно доктринерство, которое не желаетъ считаться съ фактами ни этнологіи, ни народной психологіи, ни культурной исторіи.

Я не сомнѣваюсь, что большинство 342 „вѣритъ въ русскій народъ“ и „желаетъ ему блага“. Но почему же они не позаботятся прежде всего о томъ, чтобы узнать душу и думу этого народа, вмѣсто того, чтобы навязывать ему свою думу и совершенно чуждыя ему формы жизни?

II г. С.-И. сознается, что подписавшіеся подъ „Запиской“ составляютъ всего „треть педагогическаго персонала учебныхъ заведеній“. Такъ почему же они считаютъ себя въ правѣ игнорировать двѣ трети своихъ товарищей, не говоря уже про 99% въ средѣ массъ русскаго народа? Не означаетъ ли это ставить свои взгляды, свое понятіе о свободѣ и „нормальныхъ условіяхъ работы“, свои кружковые интересы выше всего „русскаго народа“ и „его блага“? Не могу не привести по этому поводу трогательныхъ словъ Д. И. Менделѣева въ некрологѣ: „Памяти А. Л. Потылицына“ („Новое Время“ 28 февраля):

„Родину, науку и правду никогда, даже въ минуты юношескаго увлеченія, онъ (Потылицынъ) не забывалъ; свободы желалъ не для себя, а для трехъ упомянутыхъ величинъ, которымъ онъ и посвятилъ свою жизнь. Свои личныя, или кружковыя настроенія или соображенія онъ не предпочиталъ указаннымъ тремъ величинамъ. Зная Алексѣя Лаврентьевича съ юношества и видѣвшись съ нимъ едва-ли больше, чѣмъ съ мѣсяцъ назадъ, я знаю, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу все то, что относится къ русскимъ успѣхамъ, и слышалъ отъ него рѣзкія осужденія не только забастовкамъ, но и смѣшенію педагогическихъ и научныхъ областей съ политическими. *Именъ ему подобныхъ и быть не можетъ въ заявленіи трехсотъ сорока двухъ русскихъ ученыхъ*“...

Къ этимъ вѣскимъ словамъ маститаго нашего ученаго и мыслителя я позволилъ бы себѣ сдѣлать лишь одну оговорку: мнѣ кажется, я даже твердо убѣжденъ, что между „342“ есть много искреннихъ русскихъ народолюбцевъ. Но они увлечены были въ данномъ случаѣ стихійнымъ порывомъ, подъ вліяніемъ сильной и хорошо организованной инородческой группы; отчасти же они видѣли въ этомъ проявленіе героизма, который всегда имѣетъ свою цѣну, хотя на этотъ разъ для него, конечно, нашелся бы и другой исходъ, болѣе благопріятный для русскаго народа и его образованности.

VII.

Г. С.-И. упрекаетъ меня въ томъ, что, не отликнувшись на „зовъ земли“ (вѣроятно, земскаго съѣзда), я обнаружилъ „незнаніе исторіи и непониманіе русской жизни“, особенно же того бюрократическаго строя, который, по мнѣнію г. С.-И., повиненъ во всѣхъ нынѣшнихъ бѣдствіяхъ Россіи,—между прочимъ въ отсутствіи у насъ образованныхъ врачей, хорошихъ инженеровъ, техниковъ, рабочихъ, солдатъ.

Признаюсь, я дѣйствительно не отликнулся на этотъ „зовъ“, потому что не ко мнѣ онъ былъ обращенъ; да и не могу я считать нынѣшняго земства, составленнаго въ двухъ третяхъ изъ дворянъ, а въ остальной изъ лицъ случайныхъ, вродѣ врачей, ветеринаровъ, статистиковъ, концеляристовъ, — синонимомъ русской земли. Прежде нужно создать еще меньшую земскую единицу и дать ей развиться, чтобы услышать голосъ организованнаго крестьянства, т. е. главнаго, коренного представителя этой „земли“.

Что же касается нашей „бюрократіи“, то, не отрицая ея грѣховъ и слабостей, я не могу однако представить себѣ ее въ отдѣльности отъ русской „интеллигенціи“, въ частности же и отъ тѣхъ профессоровъ, которые воспитываютъ на университетской скамьѣ будущихъ бюрократовъ. Если не безъ основанія говорятъ, что общество всегда стоитъ своего государства, а народъ своего правительства, то еще съ бо́льшимъ основаніемъ можно это утверждать о взаимоотношеніяхъ „интеллигенціи“ и „бюрократіи“. Но гдѣ же тогда выходъ къ лучшему? Не въ уваженіи ли къ народнымъ массамъ, которыя создали наше государство и даже не разъ спасали его отъ погромовъ, благодаря своему скромному героизму и вѣрному служенію исконнымъ идеаламъ греко-славянской образованности?

Изъ продолжительныхъ наблюденій жизни русскаго и западнаго славянства, подъ конституціоннымъ режимомъ, я имѣлъ тысячи случаевъ убѣдиться, что этотъ режимъ не приноситъ никакой пользы „землѣ“, въ ея основномъ значеніи, особенно „землѣ“ славянской, а наоборотъ, приноситъ кровные интересы народныхъ массъ въ жертву всевозможнымъ спекулянтамъ, вродѣ Стамбулова, Милана, Андраши, Бадени, Вольфа и другихъ политикановъ. Болѣе того, режимъ этотъ грозитъ гибелью цѣлой группѣ славянскихъ народностей, облегчая процессъ ихъ германизаціи, мадьяризаціи, романизаціи. Теперь въ Австріи и Венгріи между славянами зачастую выражается сожалѣніе о замѣнѣ Баховскаго абсолютизма нѣмецко-еврейскимъ и мадьярско-еврейскимъ парламентаризмомъ!! Могу ли я сочувствовать подобнымъ экспериментамъ in anima vili русскаго народа? Если ему нужны реформы, то основы для нихъ найдутся въ его собственной исторіи, его политическихъ стремленіяхъ и вѣковыхъ учрежденіяхъ. Въ

противномъ случаѣ, навязывая народу - хозяину чужія учрежденія, въ интересахъ различныхъ международныхъ спекулянтовъ и эксплоататоровъ, не вызовемъ ли мы повторенія грозныхъ смутъ пугачевщины и гайдамачины?

Въ концѣ своей статьи г. С. - И., нѣсколько неожиданно, ставитъ вопросъ: „кто же болѣе патріотъ: тотъ ли, кто хочетъ измѣнить неблагопріятныя условія и смѣло прикасается къ ранамъ, или тотъ, кто не лѣчитъ ранъ, а прикрываетъ ихъ старыми лохмотьями?“

На это я отвѣчу: если бы 342 цѣлителямъ дѣйствительно удалось поставить больному вѣрный діагнозъ и отыскать надежный методъ лѣченія, сообразный съ индивидуальностью больного, а затѣмъ примѣнить этотъ методъ съ чувствомъ, если и не любви къ „дорогой родинѣ“, то хоть нѣкотораго уваженія къ ея народному достоинству, то я первый поклонился бы въ ноги этимъ врачамъ-патріотамъ. Но когда я вижу, что ихъ діагнозъ основанъ на пессимистическихъ преувеличеніяхъ, а ихъ терапія клонится къ универсальнымъ средствамъ, напоминающимъ нашу траву-кузьмичевку; что кожу народнаго организма они принимаютъ за платье, а вѣковыя учрежденія титулуютъ „старыми лохмотьями“, въ своей же родной матери видятъ не болѣе, какъ „мачеху“: то я не могу понять ни такого патріотизма, ни такого филантропизма, а вижу тутъ лишь холодную надменность левита притчи, который, встрѣтивъ на пути израненнаго разбойниками ближняго, „пришелъ и видѣвъ, мимоиде“.

Самъ же я, не имѣя достаточно „масла и вина“, чтобы омыть раны моей матери, предпочитаю остаться при упрекѣ въ „прикрываніи ихъ“ ея „старыми лохмотьями“, которыя, въ ихъ символическомъ значеніи, для меня столь же священны, какъ ветхія лоскутья Суворовскихъ знаменъ.

7 марта 1905 г. **А. Будиловичъ.**

P. S. Уже по написаніи этихъ строкъ, получилъ я изъ Вѣны вырѣзку изъ „Neue Freie Presse“ (19 марта 1905 г. № 14573) со статьей: „Русское министерство народнаго просвѣщенія и русскіе академики и профессора“, заимствованной „изъ письма одного члена С.-Петербургской академіи наукъ“.

Въ статьѣ этой излагается, прежде всего, очень отрицательный взглядъ на личность и дѣятельность нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія и упоминается о студенческихъ забастовкахъ, якобы вызванныхъ „брутальнымъ подавленіемъ студенческихъ движеній“ въ Москвѣ, при покойномъ генералъ-губернаторѣ, и хотя грустныхъ-де, но понятныхъ при нынѣшнемъ общественномъ возбужденіи въ Россіи. Далѣе излагается генезисъ и содержаніе „Заявленія 342“ (документъ этотъ переименованъ здѣсь изъ записки, т. е. Denkschrift, въ Declaration, конечно, не безъ умысла), называются нѣкоторыя „европейскія извѣстности“ между этими

:2 (академики Бейльштейнъ, Бекетовъ, Бородинъ, Веселовій, Залеманъ, Марковъ, Ольденбургъ, Радловъ, Фаминцынъ, [ахматовъ) и отмѣчается благопріятное воздѣйствіе этого ıѣткаго и смѣлаго заявленія" на общественное мнѣніе.

Во второмъ отдѣлѣ статьи упоминается о репрессивныхъ ѣрахъ, якобы принятыхъ министромъ народнаго просвѣщенія › поводу этого заявленія и состоявшихъ, во-первыхъ, въ :ходатайствованіи Высочайшаго выговора петербургскому ›печителю, ректору университета и инспектору, а во-вторыхъ, › напоминаніи академикамъ, чрезъ посредство Августѣйшаго ›езидента академіи наукъ, ихъ служебнаго долга по отноенію къ учащейся молодежи, которой между тѣмъ у акамиковъ-де не имѣется! Въ этомъ напоминаніи сдѣланъ-де ıлъ намекъ и на неудобства полученія жалованья при данıхъ условіяхъ; но большинство академиковъ нашло-де, что ого намека не слѣдуетъ брать взаправду, въ виду-де явной ›вмѣняемости нынѣшняго управленія этого министерства.

Въ третьей части говорится о печатной кампаніи, предприıтой-де министромъ народнаго просвѣщенія противъ „Заıленія 342", конечно не лично, а черезъ посредство одного ъ членовъ того министерскаго „чулана", который назыется „ученымъ комитетомъ", именно „abgewirtschafteten, ›getakelten Rector" Будиловича. Его странное возраженіе, ıпечатанное въ „Новомъ Времени", напоминаетъ-де доводы ıара противъ Александрійской библіотеки. Изложивъ вкривь вкось эти доводы и не попытавшись опровергнуть хотя бы ıинъ изъ нихъ, анонимный академикъ упоминаетъ затѣмъ возраженіяхъ на мою статью проф. Сентъ-Илера, которыя ıолнѣ раздѣляетъ.

Далѣе говорится еще о статьѣ кн. Трубецкого въ „Русскихъ ѣдомостяхъ" о необходимости возвращенія къ уставу 1863 г.; тѣмъ объ одной статьѣ какого-то „княжескаго органа", гдѣ :ѣ россійскіе конституціоналисты признаются „негодяями" chuft), и, наконецъ, выражается удивленіе, что и теперь еще ıздаются обвиненія противъ академиковъ и профессоровъ за ѣаявленіе", якобы вызвавшее забастовки, тогда какъ на дѣлѣ › немъ содержится то же, что въ Высочайшемъ рескриптѣ ъ 18 февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Не считая нужнымъ подробнѣе разбирать это „письмо", ›торое болѣе касается министра народнаго просвѣщенія, чѣмъ ›ня, и не заключаетъ въ себѣ даже намека на мотивировку ıсказанныхъ положеній, я не могу однако не отмѣтить нѣкорыхъ характерныхъ особенностей этого академическаго ıисьма".

Прежде всего представляется страннымъ, что анонимному ıадемику понадобилось переслать въ Вѣну и напечатать въ ѣмецко-еврейской газетѣ,—издавна извѣстной враждебнымъ гношеніемъ ко всему русскому и славянскому,—статью, для оторой легко нашлось бы мѣсто и въ любой нашей западниеской или радикальной газетѣ. Ужъ не думаетъ ли г. акаемикъ, что констатированная имъ „война нашихъ высшихъ

школъ съ министерствомъ“ должна перейти на поле международное, какъ это сдѣлано было недавно съ погромомъ Кишиневскимъ?..

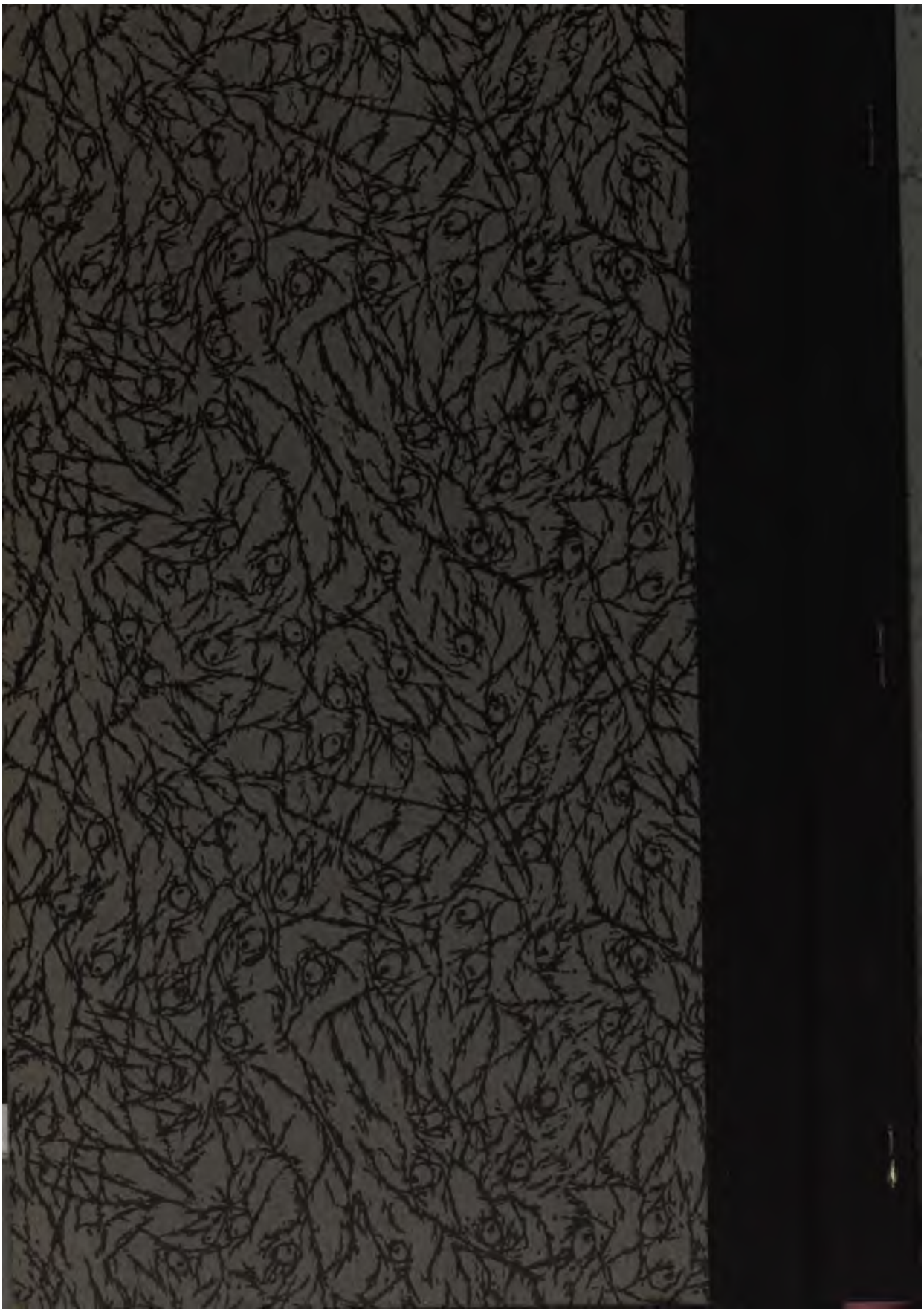
Затѣмъ, мнѣ кажется, что если кто-нибудь подписывается академикомъ, то, въ силу изреченія: noblesse oblige, долженъ держаться приличнаго, академическаго тона, съ которымъ трудно примирить такія уличныя выходки, какъ „abgewirtschafteter, abgetakelter Rector“, по отношенію къ автору, который не титуловалъ себя ни экс-ректоромъ, ни экс-профессоромъ, а просто назвалъ себя по имени: въ качествѣ гражданина, онъ считалъ себя въ правѣ высказаться объ интересахъ отечества съ такой же свободой, какъ и любой другой гражданинъ, хотя-бы изъ состава „342“. Или анонимный академикъ, самъ произведшій себя, какъ и прочихъ своихъ коллегъ, въ европейскія извѣстности, считаетъ себя на этомъ только основаніи въ правѣ смотрѣть свысока на каждаго не-академика? Но при этомъ онъ забываетъ, что наша академія все еще не завершила эволюціи изъ учрежденія нѣмецкаго въ національное, все еще вращается въ орбитахъ Запада, а потому и титулъ академика у насъ не считается пока синонимомъ „безсмертнаго“, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи.

Впрочемъ, приличіе тона составляетъ требованіе лишь хорошаго воспитанія, которое, очевидно, дано не всѣмъ академикамъ. Но еще больше удивляетъ меня въ этомъ письмѣ крайняя неточность—притомъ едва ли случайная—мыслей и выраженій!

Такъ, говоря о „Заявленіи 342“, авторъ не разъ прибавляетъ „академиковъ и профессоровъ“, тогда какъ ему не могло быть неизвѣстнымъ, что 201 изъ этихъ ученыхъ являются собственно не академиками и не профессорами, а „доцентами, преподавателями, ассистентами и лаборантами“, т. е. учеными in spe.

Не могъ не знать анонимный академикъ и того, что Высочайшій выговоръ попечителю, ректору и инспектору вызванъ вовсе не „Заявленіемъ 342“, а безобразіями студенческой сходки 7 февраля, какъ объ этомъ упомянуто и въ соотвѣтственномъ указѣ.

Насколько извѣстно, не отъ министра народнаго просвѣщенія, а отъ президента академіи наукъ получили демонстрировавшіе академики указаніе на неумѣстность подобнаго смѣшенія науки съ политикою.

Моя замѣтка въ „Новомъ Времени“ не имѣетъ никакого отношенія къ репрессивнымъ мѣрамъ министра народнаго просвѣщенія, какъ это инсинуируетъ академическій анонимъ. Болѣе того, до выхода этой замѣтки никто въ министерствѣ и не зналъ, что она мною задумана, о чемъ, при желаніи, ему не трудно удостовѣриться.

Что касается того „чулана“ (Rumpelkammer), какимъ обзываетъ г. академикъ ученый комитетъ, то я долженъ оговориться, что вовсе не состою его членомъ и что, наоборотъ тамъ помѣщаются, подъ предсѣдательствомъ акад. Сонина очевидно, въ составѣ старой рухляди, нѣкоторыя изъ свѣтилъ